Е. П. ИВАНОВ

Всадник

Нечто о городе Петербурге

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал…
Того, кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой…
Ужасен Он в окрестной мгле![1]

«Медный всадник».
Пушкин[1], *7 мая 18***

Homme sans mœurs et sans religion! *

«Пиковая дама».
Эпиграф к IV главе

Речь здесь идет о двух Всадниках города, сидящего на водах многих рек Невы и ее протоков, вливающихся в море.

Одного из Всадников Пушкин назвал «Медным Всадником».

Пойдите к нему в бурю, вглядитесь в его зверя-коня, который точно несется на вас, бурей, с вершины скалы, вглядитесь в сидящего на звере-коне гиганта; в его лицо, в его неподвижный взор, в его открытую на вас ладонь десницы, вглядитесь особенно в пору бури ночной, когда еще за ним луна встанет, — силен он, как Смерть, — черен, как бездна.

«Ужасен он в окрестной мгле».

А за ним, за «Всадником Медным», — другой, «Всадник Бледный»: он оглушен шумом внутренней тревоги, его смятенный ум не устоял против ужасных потрясений петербургских наводнений, — оттого он и бледный.

---

* Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого (*фр.*). — *Ред.*

Он — Всадник, но сидящий не на звере-коне, а на звере мраморном верхом, на одном из «львов сторожевых», стоящих над возвышенным крыльцом углового дома на площади Петровой.

Его Пушкин «Евгением» назвал в своей «Петербургской повести».

На звере мраморном верхом
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений... Вкруг него
Вода и больше ничего...
И обращен к нему спиною
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Сидит с простертою рукою
Гигант на бронзовом коне.

Так «Всадник Бледный» следует за «Всадником Медным».

Оба они стоят на площади Петровой над водами многими.

У города нашего есть тайна, и она в бурю явнее становится.

В бурю—наводнение наш город сидит на водах, зверем вздыбившихся под ним, вздыбившихся, как конь под «Медным Всадником».

И не от этого ли подобия с «Медным Всадником» тайна города явнее выступает на челе его.

«Пойдем, я покажу тебе суд над Великою Блудницею, сидящею на водах многих», — говорится в 17-й главе Апокалипсиса. — «И повел меня в духе в пустыню, и я увидел жену, сидящую на звере... и на челе ее написано: Тайна, Вавилон Великий»...

Не блудница ли эта наш город, сидящий на водах многих, со Всадниками своими, сидящими в нем на звере и на водах многих, как выше описано во время наводнения?..

И кто хочет видеть суд над нею, тот ведется в духе бури на пустынную вершину скалы, где Всадник стоит, и видит он Блудницу и тайну на челе ее, и суд над нею в тайне ее. Каков суд — такова и судьба и ее, и наша и нашего города со Всадниками его.

Не во сне ль все это вижу?

Не сон ли это Всадника, который снится ему вот уже третье столетье, с тех пор как остановился он, случайно, в густом неведомом лесу средь мшистых топких берегов реки Невы, вливающейся в море.

И это не город кругом шумит, а лес... И вот, вот перейдет шум города в шум леса, и Всадник, вздрогнув, проснется; но не пере-

ходит городской шум в лесной; по-прежнему стоит Медный Всадник на скале и грезит; и взоры его, «недвижно на край один наведены», как взоры Евгения, Всадника Бледного.

— Что ж это за край?

— Словно горы,
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки…

Здесь, в буре, тайна города Блудницы, сидящей на водах многих, сидящей на Звере, и в этой тайне загадка наших Всадников, двух сфинксов нашего времени.

— И кто разгадает эту загадку!

— Пушкин.

— Но Пушкин умер и унес с собою в могилу великую тайну, и вот мы все призваны ее разгадывать (Достоевский).

И вот длинные задумчивые улицы, и погруженные в «прозрачный сумрак» белой-бледной ночи «молчаливые громады» домов приняли манерные позы, как статуи в «летнем саду», и стекла домовых окон, отражая бледнеющее небо, кажутся глазами, которые закатив, смотрят дома… в непомерную высь,

«Там где купол вечернюю принял зарю».

«Пустынны улицы и светла Адмиралтейская игла»…

Но тревога поднимается во мне в такую ночь, а вдруг эти глаза домов совсем под лоб зайдут, так что и зрачков не видать, как у мертвецов, и скроят рожи.

Что-то полубезумное, полупророческое в этом прозрачном полусвете белых ночей и что-то блудное — блуждающее.

В такую ночь блуждал и я, блуждал, машинально, куда глаза глядят, «не разбирая дороги», останавливаясь на перекрестках улиц перед иными домами, на площадях и мостах. Меня точно тянула какая-то неведомая сила, которую я никак не мог объяснить себе, но которой повиновался в мучительном напряжении и тоске.

Так порой вы не можете объяснить себе, что за тревожное чувство заставляет вас оглянуться и, только оглянувшись, видите вперившийся в вас тяжелый взгляд.

Я чувствовал, что на меня напряженно смотрят, но я не знал, чьи это глаза, и шел, шел, не разбирая дороги, как Евгений, шел, куда глаза эти глядели.

И вот с Петербургской стороны увидел город, сидящий на реке-звере, — город, эту Блудницу Великую, сидящую на звере, на водах многих.

Горели окна домов, глядя на всенощную зарю, огнем пожара ли, бала ли Великой Блудницы, разгоравшегося во всех этажах: и не огонь ли это багряный глаз Зверя багряного, на котором сидит Блудница, который в такую ночь так тих и ласков, так нежно лижет гранитные колени Сидящей на нем языком своих волн.

Кстати, по-латински «lupa» значит вместе и зверь-волчица, и блудница...

Глядел я на эту Красавицу-Всадницу, сидящую на звере — водах многих и вдруг вздрогнул весь.

Мелькнул за мной, как тень, огромный зверь-конь, и у сидящего на нем в бронзовом лице глаза огнем багряным горели и глядели.

И понял я, чьи глаза томили меня тревогой...

И пошел я на площадь к нему взглянуть, не осталась ли скала пуста без Всадника, носящегося по городу, и лишь змий по-прежнему вползает на вершину скалы, да еще осталось два следа от стоящих здесь копыт коня.

Но, выйдя на площадь, увидел я Всадника по-прежнему стоящего с конем своим на вершине, над водами многими и кругом него растянулось бесконечное утро белой ночи.

Полный все той же непонятной «сумрачной заботой», я уже шел домой, как вдруг внимание мое привлекло нечто.

На одном из «мраморных львов», стоящих у крыльца углового дома на первой площади, кто-то сидел бледный, бледный...

Он сидел без шляпы, руки сжав крестом, с глазами недвижно наведенными на край один за реку...

Был ли это какой-нибудь сумасшедший, которому пришла в такую ночь нелепая мысль сесть верхом на мраморного льва, или почудилось мне Петербургское видение Бледного Всадника, едущего за Медным, только вскрикнул я от ужаса и стремглав бежать пустился: всадник-то на меня был похож...

И как бежал я, все видел, что кругом с домами красавицы-столицы, Блудницы, неладное делается... что они как-то вытянулись, окостенев, и глаза свои совсем завели под лоб: не видно зрачка, как у мертвеца: и, вдруг прищурившись, усмехнулась Блудница (город наш), как «Пиковая Дама» Германну.

«Необыкновенное сходство поразило его.

— Старуха! — закричал он в ужасе».

«Ужасен он в окрестной мгле!»

«Тройка, семерка, Дама!»

«Три карты, три карты, три карты».

«Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, туз!»

«Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице, в 17-м нумере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: “Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!”»

Кстати, число 17 — число Петербургское: глава Апокалипсиса, в которой говорится о сидящей на водах многих, сидящей на звере, Блуднице, — глава 17-я; вышина «Медного Всадника» — 17 футов, и вот нумер, в котором Германн сидит — 17-й нумер: «Семерка» участвует.

«Германн — это колоссальный тип петербургского периода» (Достоевский). В его лице есть нечто такое, что в лице Медного Всадника видим, но его потом «Бледный Всадник» одолел.

У Германна, как у Евгения,

...Смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял...

Да и кто вполне устоит неколебимо против наития Петербургских потрясений, разве тот, у кого тело из бронзы:

Гигант с простертою рукою.

Помните ночь из «Пиковой Дамы», в которую Германн является убийцей старухи графини, хоть и невольным.

«Homme sans moeurs et sans religion!»

«Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени. В десять часов вечера он уже стоял перед домом графини. Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями: фонари светились тускло; улицы были пусты...

Германн стоял в одном сюртуке, не чувствуя ни ветра, ни снега».

У кого тело из бронзы, тот тоже стоит, не чувствуя «ни ветра, ни снега» и конь его на скале вздыбился у самой бездны.

«Homme sans moeurs et sans religion!»

«У этого человека по крайней мере три злодейства на душе!» — вспомнились слова, сказанные про Германна.

«Утро наступало: бледный свет озарил ее комнату (комнату воспитанницы графини «Пиковой дамы»)... Германн сидел на

окошке, сложа руки и грозно нахмурившись. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона»... И, конечно, в этом внешнем сходстве с Наполеоном нельзя не узнать сходства с тем, «кто неподвижно возвышался во мраке медною главой!».

Ужасен он в окрестной мгле наступающего бледного, как белая ночь, утра, ужасен этот Германн.

И вот, странно, ну что общего между Германном, похожим, как мы сейчас говорили, на портрет Наполеона, похожим на бронзовую фигуру Медного Всадника, что общего между Германном и каким-нибудь Евгением, сидящим верхом на мраморном льве, «руки сжав крестом»; но вот вспоминается же этот Бледный Всадник, тем более что у Германна, сидящего на окошке в бледных лучах наступающего утра, руки тоже сжаты крестом. «Три карты, три карты, три карты!» «Ночь была ужасная»... Пишет Достоевский в своем петербургском рассказе «Двойник»:

«Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки... Шел дождь и снег разом... Хотя снег, дождь и все то, чему даже имени не бывает, вдруг атаковали и без того убитого несчастиями господина Голядкина, сбивая с пути и с последнего толку, несмотря на все это, господин Голядкин, оставался почти не чувствителен к этому последнему доказательству гонения судьбы... Где-то далеко раздался пушечный выстрел: “Чу, не будет ли наводнения? Видно, вода поднялась слишком сильно”. Только что сказал или подумал это господин Голядкин, как увидел впереди себя идущего ему навстречу прохожего» — это и был его призрачный отвратительный «двойник». Эти пушечные сигналы наводнения вызывают тень Всадника.

Голядкин тоже «колоссальный тип петербургского периода». И если в Германне «Всадник Медный», то как в Голядкине-господине, не узнать все того же бледного-бледного Евгения, «оглушенного шумом внутренней тревоги», которого «смятенный ум не устоял против ужасных потрясений» петербургских «наводнений».

Голядкин в роковую для него ночь также остается нечувствителен к атакующим его ветру, снегу и дождю, как и Бледный Всадник, Евгений, сидящий «на звере мраморном верхом»:

Он не слыхал,
Как поднимался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал;
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.

И образ одного Всадника, вызывает образ другого, вместе с надвигающимся наводнением:

И прямо в темной вышине,
Над огражденною скалою
Гигант с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Это двойники немую беседу ведут. Вы заметьте, какое сходство в описании погоды петербургской роковой для Германна ночи и роковой для Голядкина.

По-видимому, ни Германн с Голядкиным, ни Голядкин с Германном ничего общего не имеют, но их роднит сумасшедшая Петербургская хмара, «погодка» с поднимающимся наводнением. И как в Германне образ Всадника Медного вызвал образ Всадника Бледного (Евгения), так в Голядкине образ Всадника Бледного (Евгения) вызвал образ Всадника Медного.

Ибо Всадники — двойники и, как зарницы, они ведут немую беседу меж собой [2].

И замечательно, что именно в такую же ночь, как вышеописанная, роковая для Германна и Голядкина, в такую же ночь в «петербургской повести» Пушкина «Медный Всадник», Евгений-безумец узнает двойника своего Всадника Медного, —

...Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань.
Бедняк проснулся. Мрачно было.
Дождь капал: ветер выл уныло
И с ним вдали, во тьме ночной
Перекликался часовой.
Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вкруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой!
Ужасен он в окрестной мгле!..
«Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

И вот, приходит навязчивая мысль; может, от того и роковыми стали для Германна и Голядкина ночи, роковые для них, что Евгений, Всадник Бледный в такую ночь узнает там, на площади Всадника Медного.

Город наш — Великая Дама, Блудница, сидящая на водах многих реки Невы и ее протоков, вливающихся в море, Великая Блудница, сидящая на звере, и на челе ее, как на челе сидящих на зверях Всадников ее, написана «тайна».

И вот, мы все призваны эту тайну разгадывать.

И как Германн, проникший в спальню графини «Пиковой Дамы», стою перед городом нашим и Всадниками его и умоляю:

«Откройте вашу тайну!

— Вы можете составить счастье моей жизни, я знаю, вы можете угадать три карты сряду... Откройте мне вашу тайну, что вам в ней? Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором...

— Я готов взять грех ваш на свою душу.

Откройте мне вашу тайну!»

Так спрашивают о тайне город наш и Всадников его, когда над ними бушует буря — наводнение, завывая в трубах и в проулках, и точно рассерженная хозяйка, захлопывая с размаха незапертые двери и окна чердаков.

В такую бурную ночь Германн спрашивал «Пиковую Даму» об ее тайне, и в такую ночь Евгений узнал того, кто неподвижно «возвышался во мраке медною главой». В такую бурную ночь лицо Медного Всадника, внезапно «гневом возгоря», обратилось к вставшему перед ним двойнику, бледному Всаднику, и Медный погнался за Бледным Евгением, и осталась пуста скала; лишь змий по-прежнему всползал, да еще остались два следа от копыт коня.

И, спрашивая о тайне Великую Блудницу нашу, я боюсь, как бы не произошло то же, что мне причудилось в летнюю белую ночь.

Как бы Блудница Великая красавица не оказалась бы «Пиковой Дамой». На игральной-то карте Пиковая Дама — красавица, но вдруг «Пиковая Дама прищурилась и усмехнулась».

«Необыкновенное сходство поразило его.

— Старуха! — закричал он в ужасе».

Но что же сей сон означает? Все это похоже на сон, все это точно сон Медного Всадника; что сей сон означает?

Я не знаю, что сей сон означает.

Я не знаю, в чем тайна, но я верю, что тайна Великой Блудницы, сидящей на звере и на водах многих, не в смерти ее и безумии, что грядет с моря какая-то неведомая буря — наводнение,

и ее первая встретит Блудница с двумя одержимыми всадниками на берегу.

«И наведет Господь воды реки бурные и большие; и поднимется она во всех протоках своих и выступит из всех берегов своих... и распростертие крыльев ее будет во всю широту земли твоей, Емманоуил!» (Исайя. 8 гл., 7–8 ст.).

Имя же последней Бури — Мария — Дева, чреватая Христом, грядущим с моря, и сковал Всадника «железный сон», и во сне ему, как Иосифу, сказано: «не бойся принять Марию — Бурю, ибо родившееся в ней есть от Духа Святого».

И, встретив бурю-Марию, проснется Всадник.

Тогда уж пройдет оглушенность шумом внутренней тревоги, и уже Всадник Медный не будет гоняться за взглядевшимся в него «Бледным» Евгением.

Но прежде должно быть то, что есть, и Всадники должны породниться.

И как двое бесноватых у моря вышли навстречу к грядущему с моря Христу и исцелились, так и двое всадников наших выйдут к морю навстречу ему, грядущему в буре с моря.

И встанет резвое лицо, чаемое в резвом плеске весенне-синих вод, и резвом блеске синих небес, и в резвом запахе петербургской воды и мокрой щепы.

1907